

торый явился плодом его многолетних раскопок на территории Болгарии. Анализу раскопок в Киренаике был посвящен доклад *А. Ляронда* (Париж). Докладчик пришел к убедительному выводу о сочетании ухудшения внешнеполитической ситуации в данном регионе Римской империи с обострением социально-политического положения в империи в ходе кризиса III в., выделив при этом отдельные этапы кризиса и показав их неоднозначность. К этим докладам примыкали доклады *Б. Андрес* (Марбург) «Кризис, осознание кризиса, преодоление кризиса на примере искусства саркофагов III в.», *К. Цимермана* (Росток) «Проблема саркофагов III в.», *Т. М. Шмидта* (Берлин) «Новый фрагмент саркофага с изображением колесницы из раннехристианско-византийского собрания» и др.

Проблемы искусства были рассмотрены и в докладах *В. Шиндлера* (Берлин) «Классицизм — симптом кризиса?», *Г. Цинзерлинга* (Иена) «К вопросу о двух направлениях стиля во второй четверти III в.», *Д. Рэслера* (Берлин) «Индивидуум — тип — эпоха. Городской портрет III в.», *А. Эфенбергера* «Христианское искусство III в.» и др.

Особенностям развития латинской литературы в период кризиса III в. были посвящены доклады *В. Курша* (Галле) «Перестройка латинской литературной системы в III в.», *П. Л. Шмидта* (Констанц) «Кризис языческой латинской историографии в конце III — начале IV вв.», *Ф. Кэрнса* (Ливерпуль) «Менандр Ритор. Риторика и культура конца III в.» и др.

Проблемы спорта в поздней античности были рассмотрены в докладах *И. Вайлера* (Грац) и *И. Эберта* (Галле).

Доклады и оживленные дискуссии, развернувшиеся на конференции, показали, что III век не был лишь временем постоянного упадка, но что в ходе кризиса имели место отдельные периоды временной стабилизации, открывавшие путь росткам будущего.

А. А. Чекалова

ВОЗМОЖНО ЛИ ЕДИНООБРАЗИЕ В ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИМЕН?

Воистину новое — хорошо забытое старое. Когда я в мае 1984 г. выступал на IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ с предложением об унификации греческих имен собственных хотя бы в пределах одного журнала, я не помнил, что чуть ли не полвека назад вопрос этот уже обсуждался на страницах «Вестника древней истории», и только благодаря указанию Э. И. Соломоник (которой я за это искренне благодарен) нашел статью М. Протасова (в остальном мне совершенно неизвестного) под заглавием «Об упорядочении и унификации транскрипции собственных имен и исторических терминов в истории античного мира» (ВДИ, 1940, № 1, с. 102—113). Уже тогда автор отмечал, что доставшаяся нам в наследство «хаотическая, неряшливая, разнородная и случайная» транскрипция нуждается в упорядочении; здесь же приводилось множество примеров действительно вопиющего разноречия в передаче античных имен собственных и делались довольно капитальные предложения.

Нельзя сказать, чтобы положение с тех пор совсем не изменилось. Так, почти повсюду в древнегреческих именах утвердилось в интервокальном положении глухое «с» (Гесиод, Писистрат), и никто, кажется, не переводит «центурион» как «фельдфебель». Нельзя также утверждать, что в статье М. Протасова все было бесспорно, не говоря уже о некоторых прямых ошибках (так, например, рекомендовалось совершенно неправильное написание «Кай» и «Кней» вместо единственно возможного «Гай» и «Гней»). Вместе с тем ясно, что вопрос был возбужден с полным основанием и что в целом статья М. Протасова осталась — увы! — гласом вопиющего в пустыне. И до сих пор всякий, кому приходится читать издаваемые у нас книги и статьи по древней истории, античной литературе и другим областям античной культуры, включая переводы древнегреческих авторов, не может не обратить внимания на царящий в них разноречие при передаче древнегреческих имен собственных (и не только собственных).

Так, например, в гомеровском эпосе действуют два Аякса — с Саламина и из Локриды, и специалисты по мифологии полагают, что эта пара возникла из раздвоения первоначального одного образа. На страницах же наших книг и журналов вместо одного героя разгуливают целых три: Аякс, Аянт и Эант. Право на существование имеют только первая (латинская) форма и последняя (от греческого родительного падежа Αἴαντος). Что касается «Аянта», то он обязан своим появлением лишь филологической беззаботности такого крупного знатока античности, каким был Ф. Ф. Зелинский. Вводя форму «Аянт», он, по-видимому, думал, что приближает ее к оригиналу, не заметив, однако, того, что греческий дифтонг *ai* никогда не передается на русский язык через «ай»: никто не говорит и не пишет «айстетика», «Айсхил», «Айгейское море» и т. п. Впрочем, ту же ошибку повторил недавно автор одной работы, введя термин «пайдагог» и «пайдотриб», сохранив, впрочем, правильное написание «пропедевтика». Из этого ясно, что от «Аянта» и «пайдотриба» надо избавиться как можно скорее, поскольку эта транслитерация является совершенно субъективной и противоречащей всей отечественной традиции. Что касается форм «Эант» и «Аякс», то первая вполне соответствует принятой у нас транслитерации с древнегреческого (она используется, кстати, в издании «Мифологической библиотеки» Аполлодора, выполненном В. Г. Боруховичем для «Литературных памятников»), и предпочтение, отдаваемое второй, объясняется только тем, что в такой форме это имя укрепилось у нас благодаря переводам гомеровских поэм Гнедича, Жуковского и Вересаева.

Сложнее обстоит дело с разночтениями, восходящими к традиционному различию между так называемым эразмовым и рейхлиновским произношением, осложненному к тому же западным влиянием. Как известно, первое произношение является для России в значительной степени «литературным»; второе поддерживалось давними связями с Византией, нормами церковного языка и было общепризнанным еще на протяжении всего XVIII в. Соответственно греческая *эта* передавалась тогда через «и» (Омир), начальное придыхание не воспроизводилось (отсюда Иракл, Иродот, «ирои», т. е. «герои»). Придыхательная *тэта* передавалась через прокланяемую многими поколениями гимназистов *фиту*, а когда ее заменили на русское «ф», возникли написания «Афины», «Фивы», «Феодор» и т. п. Со временем, однако, в передаче *эты* возобладало русское «е», придыхание стали воспроизводить через «г»; *тэту* — по западному образцу — через «т». Так появились «Гомер», «Геродот» (но сохранился Ирод) и дублеты вроде «Тесей» и «Фесей», «Прометей» и «Промифей».

С дифтонгами дело обстоит как будто бы проще. *Ai* в начале слова стали передавать через «э», в середине — через «е»: напомним уже приводившиеся выше примеры (Эсхил, Эант), к которым можно прибавить «Эгея» и «Гэфеста»; такая же судьба постигла дифтонг *oi* (Эдип, Энона, метеки). Дифтонг *ei* закрепился в форме русского «и» (Фидий, Писандр, Гиперид; написание «Посейдон» (при том, что известного философа мы все-таки называем «Посидонем») — реверанс в сторону «западной» традиции. Наиболее неустойчивой оказалась судьба дифтонга *eu*: никто, конечно, не пишет и не говорит «Эвропа» и «Эвгений», но разночтения «Еврипид» и «Эврипид», «Евбея» и «Эвбея» могут попасться на страницах одного и того же журнального номера.

Еще одним источником непоследовательности служит передача имен то по форме именительного падежа, то по форме основы косвенных падежей. Так возникают пары «Креон» и «Креонт», «Тевфис» и «Тевфида» и т. п.

Есть ли возможность и надобность какой-либо унификации в этом вопросе? Что система и порядок в любом деле лучше хаоса и бессистемности, ясно каждому. В нашем случае приходится, однако, сталкиваться с таким мощным фактором, как традиция, упразднить которую нельзя и не нужно. Было бы чудовищно, если бы пушкинский юродивый не соглашался «молиться за царя Герода», коль скоро Ирод не только вошел в русский язык как имя собственное, но и стал именем нарицательным¹. Никому не придет в голову переименовать Теодориха в Феодориха, Париса в Париду (по основе косвенных падежей, как, например, Артемида) или знаменитую «ойкосную» теорию Бюх-

¹ Стилистическую окраску позднего «и» на месте классического «ге» хорошо почувствовал М. Булгаков, введя в лексику «Мастера и Маргариты» написание «игемон», — для современного читателя «гегемон» обозначает не «начальника», а «руководителя, предводителя» в широком общественно-политическом смысле.

нера в «эксную» (хотя в «экономике», «экологии» начальное *oi* передается через «э»). Конечно, написание и произношение имен и терминов, имеющих за собой многовековую или хотя бы достаточно длительную традицию, сохранится независимо от любых предложений. Но транслитерация сотен имен собственных и нарицательных, употребительных только в специальной литературе или не имеющих достаточно устоявшегося начертания, от разумной унификации только выиграет.

На мой взгляд, разумными можно считать следующие правила:

1. Греческую *тэту* передавать через «ф»: пусть наряду с «Афиной» звучит «Афинея» (а не «Атенея»²), «Фасос», «Орфия», «Радаманф» и не будет нелепостей, когда сына Фиста называют Эгистом, хотя в греческом в обоих случаях — один и тот же звук.
2. Дифтонги *oi* и *ai* передавать через «э» в начале слова и «е» — в середине: «Эномай», «Энофиты», «периеки» (исключением, может быть, явятся слова, где гласные *o* и *i* произносились раздельно: Оилей, Оилид). Примеры на передачу *ai* приводились выше; можно добавить «Эгиу», «Энея», «Эака» и «Панетия», «Исея», «Гемона».
3. Дифтонг *eu* передавать через «ев»; у нас уже приобрел права гражданства Еврипид (см. БСЭ, Краткую литературную и Театральную энциклопедии, издания его трагедий 1960, 1969 и 1980 г.) Почему не последовать его примеру и не писать «Евмениды», «Еврип», «Евримедонт», «Евбея» и т. п.?!
4. Исходить из формы основы косвенных падежей, как мы это делаем, говоря «Артемида» или «гигант». Тогда правильными будем считать формы «Гевфида», «Алкестида», «Анакреонт» и т. п.

Разумеется, я далек от мысли, что в этой краткой заметке я исчерпал все трудности, которые могут возникнуть при попытке хотя бы относительной унификации греческих собственных имен и терминов. Читатели ВДИ, наверное, найдут еще другие примеры непоследовательности, существующей в этой области. Тем не менее надо постараться привести в ней хоть какой-нибудь порядок хотя бы на страницах одного журнала. Если высказанные здесь соображения будут сочтены заслуживающими внимания редакцией ВДИ и читателями (на что можно надеяться в свете их обсуждения на упоминавшейся выше IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ), то было бы целесообразно довести их до сведения авторов (это облегчило бы труд редакции) и заинтересованных организаций — Госкомиздата СССР, издательства «Русский язык», Института языкознания АН СССР, принявших участие в обсуждении сходной проблемы на страницах «Литературной газеты» (№ 49, 7 декабря 1983 г., с. 5).

В. Н. Ярго

² Так передает это имя, как, впрочем, *тэту* почти во всех других случаях употребительный у нас «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого. Причина этого мне непонятна. При наличии давней традиции и вошедших в русский язык написаний типа «Афина», «Парфенон», «Фивы» какая необходимость в «западной» транскрипции?